

20.07.04
НТ

Лиознова Татьяна
(рече.)

«ЗА ХОРОШИЙ СЦЕНАРИЙ ОТДАМ ЖИЗНЬ»

Известия - 2004 - 20 июля с. 7

Сегодня Татьяне Лиозновой исполняется 80 лет. Вот уже больше 20 лет режиссер «Семнадцати мгновений весны», «Трех тополей на Плющихе», «Карнавала» кино не снимает. Накануне юбилея с ТАТЬЯНОЙ ЛИОЗНОВОЙ встретилась корреспондент «Известий» АННА ФЕДИНА.

КОЛОНКИ, ИЗ КОТОРОЙ ПИЛИ ДЕВЧОНКИ В «КАРНАВАЛЕ», НЕТ, А ДОМ СТОИТ, И ДАЖЕ ФОРТОЧКА В МОЕМ ОКНЕ ОТКРЫТА
— Вас уже поздравляли с днем рождения?

— Я все хотела небольшую картину, от руки написанную, чтобы там был один гиацинт в скромной вазочке. А тут неизвестная мне художница, которая, конечно, не знала моих замыслов, подарила вот такой цветок. Это не гиацинт, но все равно славно. А другой подарок — вчера меня повезли в тот переулок, в котором я прожила всю свою жизнь. Правда, я родилась в Кадшевском тупике, у Лаврушинского переулка, в подвале мы жили с отцом и с матерью. А потом переехали на Средне-Переяславскую. Так вот меня туда повезли, и я не уверена была, что дом жив. А главное, все хотели увидеть колонку, из которой в «Карнавале» девчонки пили воду. В юности, возвращаясь домой, мы тоже непременно это делали. У нас был хулиганский район, и вот на улице стоит толпа хулиганов, а мы шли напролом к этой колонке и в любой мороз пили ледяную воду, от которой аж зубы сводило, но надо же было доказать свою независимость.

Так вот колонки этой нет, улица изменилась совершенно, а дом стоит. И я была потрясена, что в моем окне на третьем этаже открыта форточка. Значит, кто-то там живет. Я была так счастлива, что меня туда привезли и что теперь все те люди, которых я знала и знала, в каких условиях они живут, переехали в новые дома. Я могу по имени назвать этих людей. У меня была соседка Валя из дома напротив, на улице ее звали Сидруля (она была блондинка), и вот я ей из окошка кричала: «Валя, у тебя есть постное масло?» А она отвечала: «Таточка, Коля сейчас принесет!».

Свою машину я всегда ставила под их домом, чтобы можно было наблюдать за ней через окошко. И вот когда в нее ночью залезли, Валя первая услышала и залола такой мат, что парень рванул оттуда. Я тоже рванула вниз. А у нас подъезд выходил во двор, и вот, выбегая на улицу, я с ним столкнулась. Мы пробежали мимо друг друга, и на этом все закончилось. Я уже очень давно не виделась с Валей, хотя первые годы, куда бы я ни ехала (я 30 лет водила машину, и это было моей большой радостью, автомобиль — это моя страсть), я не замечала, как заворачивала в свой переулок (хотя в то время жила уже на ВДНХ). Я не имела этого в виду, но не могла проехать, и вот я уже в своем подъезде и уже стучусь в чью-то квартиру, и меня поят чаем, сбегались соседи и наперебой спрашивают: «Таточка, а вот в этой картине, когда он его ударил, он это по-настоящему сделал?», «Нет, не про это спрашиваешь! А у них что, роман был?»

ОНА КРАСНЕЛА, СЕРДИЛАСЬ И ГОВОРИЛА В ТРУБКУ: «ЭТО МАМА РЕЖИССЕРА ЛИОЗНОВОЙ»

— Какое время в вашей жизни было самым счастливым?
— Наверное, когда мы жили с мамой (отец погиб на войне). Наша жизнь, в том числе и кинематографическая, была очень интересной. Моя мама не имела никакого отношения к кино, она была крестьянской девчонкой из села Корюковка на Украине, Херсонская область. Три класса образования у нее было, но она самообразовалась вместе со мной: раньше меня прочитывала газеты, я в экспедицию получала самые толстые письма, и все знали, что там, во-первых, будут вырезки статей о политике, во-вторых, заметки о вреде курева (я тогда курила). Кино она интересовалась меньше, но при этом была в курсе всех наших кинематографических дел, была знакома со всеми моими друзьями и знала, что я делаю и как я это делаю.

Сколько я себя помню, у мамы было большое сердце, и я благодарна замечательному врачу Наталье Шрейдер, которая продила ее жизнь на добрых 10—15 лет. Наверное, это самое большое счастье, потому что тяжелее сиротства ничего нет даже в самом взрослом возрасте. Ведь я была совсем взрослая, и «Семнадцать мгновений» уже были сняты. Меня мама практически не видела: я уходила с рассветом и приходила за полночь, но зато она посмотрела этот фильм. И принимала многочисленные звонки. Например, такой: «Это режиссер Лиознова?» «Нет». А я ей от стола показываю, мол, скажи: «Да». Она краснеет. Она краснела всю жизнь, потому что была наивна и очень трогательная, — много в моих героинях от моей мамы. Она краснела, сердилась и говорила в трубку: «Это мама режиссера Лиозновой». И начинался примерно такой разговор: «Мама режиссера Лиозновой, с вами говорят женщины фабрики пошива женской обуви. Вы нам скажите, пожалуйста, Катя спасется с детьми или нет?». А мама, которая была патриотом картины, отвечала: «А вы посмотрите сегодняшнюю серию и узнаете». «Так у нас работа стоит, никак успокоиться не можем, очень тяжело ждать. Вы нам все не говорите, вы только намекаете: если все будет хорошо, скажите «х», если плохо — «п». Мама говорила: «Х-х». «Девки, ура, Катя спасется с детьми! Работает! Спасибо, мама режиссера Лиозновой!»

Я сейчас с радостью вспоминаю, как сидела по 12 часов за работой, от стула оторваться не могла, вот раздавался звонок — и начиналась молчаливая борьба, согласится ли мама за меня поговорить. Но, как правило, борьба оканчивалась ее победой, и мама говорила: «Она сейчас не может подойти. Вот уже двенадцатый час сидит и работает, а ей уже давно пора сходить ку-

ТАТЬЯНА ЛИОЗНОВА
режиссер

да нужно да поесть как следует». Это и есть семейная жизнь. Тут недавно в одной газете меня решили подколоть: сначала распинались в любви, а потом сказали, что у всех людей есть дети, а у меня коробки. Да, мои дети — это фильмы. Они дорогого стоят — всей жизни моей. Но они же мне и давали счастье. И по крайней мере по письмам, которые я получаю до сих пор, я знаю, что мои фильмы приносили людям надежду, свет и веру в жизнь, а это было моей самой главной задачей. А все остальное, что не сбывлось, не случилось, это совершенно закономерно.

«ПЛЯТТ ЗВОНИЛ И ПОДГОНЯЛ МЕНЯ: «ХОЗЯЙКА, КОГДА НАЧНЕМ РАБОТАТЬ?»

— Со съемками какого фильма у вас связаны самые светлые воспоминания?

— Я люблю все свои фильмы, потому что они все мне трудно достались. Легких фильмов нет. Если сейчас попытаться разобраться, то получится, что в каждой картине были свои огромные светлые пятна. Одни встречи с замечательными людьми чего стоят. Например, Плятт, меня называвший хозяйкой. После «Семнадцати мгновений» он часто очень звонил (у него не было жены, и, видимо, ему было тоскливо и хотелось работать) и подгонял меня: «Хозяйка, когда начнем работать?» А потом он женился, хотя был уже достаточно пожилой. Он был очень радостный и внутренне здоровый человек. Работа с Олегом Николаевичем Ефремовым — счастье. Встреча с Ефимом Копеляном — слов нет. Он читал закадровый текст «Семнадцати мгновений», и мы могли переговариваться только в темноте, потому что шла запись. Мы сидели по разные стороны экрана, и я руками ему показывала, тише или сильнее — прибавить меру отношения к происходящему, и он мгновенно это понимал. На озвучание Копелян приезжал каждый раз из Ленинграда и появлялся всегда выглаженный, вычищенный, в свежей рубашке, выбритый, а ведь только с дороги! Вот артист, который уважал и любил свою профессию и людей, с которыми работал. Встреча с огромным количеством актеров, которых я всех и не перечислю, — вот награда за эту работу. А ведь еще я работала с композиторами Канчели, Дунаевским, Леонидом Афанасьевым, который делал мои первые картины. Я на этом останавливаюсь, потому что для меня музыка имеет огромное значение в создании картин. Буквально некоторые из них родились от музыки. Так, «Три тополя» получилась такой благодарной песни Пахмутовой, вокруг которой я придумывала разные истории. И наконец, прочла рассказ и поняла: Нюрке должна была нравиться, так же как и мне, эта песня. Только она пела ее по-своему, а как же она ее пела? А вот так, заунывно, протяжно, со вздохом: «А-апустела без тебя земля, а-а-а» (поет). И потом я еще долго придумывала, что такое Нюра, какова ее жизнь, дом. Ведь за всем этим скрывалась и наша жизнь. Потому что мы узнаем, что Нюрку привезли в деревню как солнце. И она зачала там, потому что мужик ее занимался браконьерством, думал только о том, как бы обворовать кого. Сейчас это никого не трогает, сейчас это стало стилем жизни, а для Нюры это было горем. Она почернела, спала с лица — другая стала. И вот происходит случайная встреча в Москве, все значение которой Нюра поняла только в конце, когда услышала песню и поняла, что они одну и ту же песню искали и любили. Она никогда больше его не увидит, но чувствует, что жизнь по-прежнему поменяется. И это видно по деталям, которые рассматривают новое лицо матери, и по самому хозяину-мужу, который с опас-

кой смотрит на жену. Она привезла не только дыхание Москвы, но и частицы простой короткой встречи, связанной с музыкой.

«Я НИ ОДНОГО ФИЛЬМА НЕ СНЯЛА ПО ПРИКАЗУ»
— Есть период времени, в который вы бы хотели вернуться?

— Я просто хотела бы снимать картины, потому что это главное дело моей жизни. У Ахматовой есть стихи (извините, если точно не вспомню): «Я знаю, ты — моя награда, / За годы боли и труда, / За то, что я другим отдам / Не предавалась никогда, / За то, что я не говорила / возлюбленному: «Ты любим», / За то, что всем я все простила, / Ты будешь ангелом моим». Так моя подруга из давних лет выразила словами то, что я могла бы повторить за ней. Хотя, если бы сейчас у меня была возможность выбирать, я не стала бы режиссером. Потому что невыносимо видеть, как твои картины режут по живому. Тебе этот кусок стоил сердечных мук, эмоций, часов труда, и вдруг он режется там, где кому-то захотелось, и вставляется какая-то идиотская реклама. Все, что я делала, чтобы проникнуть в сердце зрителя и родить в этом сердце тепло, смех, желание любви и веру в любовь (а не в секс, елки зеленые!), все это разрушено рекламой. Поэтому сейчас я бы лучше занялась другим делом. Когда мой отец в 41-м уходил на войну, мама его спросила: «Что с дочкой делать будем?» (Я как раз в 10-м классе была). А он ответил: «Дай ей решать самой, но, по мне, пусть лучше она будет хорошим врачом, чем плохой актрисой» (Для него, что актриса, что режиссер, все было одного толка, несерьезно). Сейчас я с ним согласна и стала бы кем угодно, но не пошла бы отдавать на поругание свои мысли, свое сердце, свою неразрывную связь со зрителем, которой я дорожу и благодаря которой я тоннами получаю письма. Ведь писали: «Москва, Лиозновой» или «Москва, «Мосфильм», и работники «Мосфильма» терпеливо пересылали эти письма на Студию им. Горького.

— А ведь вы могли бы и не стать режиссером.

— Да, меня выгнали с первого курса ВГИКа, потому что он был испытательный, а я не выдерживала, не хватало опыта. Тогда я написала рассказ и поставила его вместе с еще тремя отчисленными. Мы показали его Герасимову, и он восстановил нас всех. Это был мой первый режиссерский урок, после которого я поняла, какая это ответственная профессия. Когда актеры ругают, это не всегда справедливо. Виноват всегда режиссер, потому что на каждого актера нужно найти свой ход, зная его возможности, откинуть то, что он уже сыграл и предложить ему новое.

— Вы всю жизнь доказывали, что имеете право быть режиссером. Не возникло желания все бросить?

— Нет, у меня было единственное желание — найти свой сценарий, тот, за который я умереть могу. Тут я много времени потеряла: я по 2—3 года искала ту историю, которую я бы прочла и у меня заколотилось сердце. Только из-за этого я сняла так мало картин. Я годами сидела без зарплат, ходила в одной юбке и продолжала искать свой материал. И вообще, наверное, преодоление — это мое жизненное кредо. Поэтому сейчас мне грустно слышать от своих же коллег, Прекрасно снимавших картины и без особого труда преодолевавших редакторские препоны, что им не давали снимать, что их фильмы сокращали. Я была с ними дружна, сидела рядом на собраниях и не видела их несчастливых лиц, а сейчас они вдруг стали жаловаться. Я ни одной картины не сняла по приказу, а они на это тоже часто жалуются.

ФОТО: АЛЕКСАНДР АБРАМОВ